

Н.Ф. Державина

Верую, ибо повторили: Belief Д. Юма и эффект иллюзорной истины*

Державина Наталья Федоровна – магистр философии, аспирант философского факультета. Государственный академический университет гуманитарных наук. Российская Федерация, 119049, г. Москва, Мароновский переулок, д. 26; e-mail: nderzhavina@gaugn.ru

Эффект иллюзорной истины сегодня с новой силой привлекает интерес когнитивных наук. Между тем выводы, делающиеся исследователями на основании многочисленных экспериментов, относятся преимущественно к единичным дискретным «истинам», которые могут рассматриваться вне связи друг с другом. В настоящем исследовании предполагается, что учет эмерджентности субъективного знания, поскольку именно оно может оцениваться в категориях уверенности и сомнения, позволит расширить и дополнить представления, полученные относительно принципов формирования убежденности в отдельном юните «знание». «Трактат о человеческой природе» и «Исследование о человеческом познании» Д. Юма предоставляют для этого необходимые теоретические инструменты. Анализ понятия «вера» («убежденность») у Юма через динамические (различающиеся по степени) характеристики «силы» и «живости» приводит к заключению о том, что убеждение может рассматриваться как внутреннее ощущение, т.е. как субъективная характеристика знания. При этом убежденность в некотором восприятии будет посредством ассоциации сообщаться и происходящим от первичных идей абстрактным идеям. Чем больше ряд подкрепляющих убеждений, тем сильнее убеждение в абстрактной идее, которая подкрепляется первичными идеями, происходящими от впечатлений. Но в конечном счете сама абстрактная идея начинает сообщать степень уверенности той информации, к которой она применяется.

Ключевые слова: эффект иллюзорной истины, belief, убеждение, Д. Юм, повторение, привычка

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Государственного академического университета гуманитарных наук «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты». Код темы: FZNF-2023-0004. Регистрационный номер темы: 1022040800826–5-5.2.1;6.3.1;5.9.1.

Эффект иллюзорной истины

Эффект иллюзорной истины (ЭИИ) широко обсуждается в современной когнитивистике. Множество проблем, связанных с этим эффектом, вновь актуализировалось на волне социальных и политических потрясений последнего времени, и потому, возможно, именно прикладные исследования, направленные на восприятие дезинформации, касающейся, например, фейковых новостей, сегодня составляют значительную часть общего объема исследований ЭИИ.

В контексте теории познания проблема иллюзорной истины связана с вопросом о том, как мы можем определить, является ли истинным некоторое убеждение. С одной стороны, нас может вводить в заблуждение перцептивный опыт: органы чувств способны исказить впечатления от окружающего нас мира. При этом, даже если органы чувств функционируют должным образом, наши представления об истинном положении вещей могут быть искажены не со стороны личного опыта, а, например, со стороны источника информации, если она воспринимается нами через постороннее свидетельство. Принцип ЭИИ основывается на том, что повторение некоторой информации, даже если она ложна, создает ощущение знакомости (упрощает восприятие), которое, в свою очередь, связано со снижением уровня критичности в отношении такой информации. Это может привести к возникновению и усилению веры в истинность полученного таким образом знания. В. Веллани с соавторами отмечает, что «...даже одно предыдущее знакомство с информацией увеличивает вероятность обмена за счет повышения воспринимаемой точности. Это создаст замкнутый цикл воздействия – усиление веры – обмен – раскрытие – усиление веры...» [Vellani et al., 2023, p. 6].

Проблема ЭИИ относится сразу к нескольким составляющим классической интерпретации знания. Само собой, это вопрос об истине и об истинности. Истинностный аспект проблемы ЭИИ состоит, по меньшей мере, в следующем: в случае иллюзии за истину принимается то, что ею не является. Это ставит, в свою очередь, и вопрос о критериях истинности, и вопрос об обосновании (как избыточности обоснования истинности не-истинного, так и недостаточной обоснованности истинного).

Иллюзорность как препятствие, отделяющее субъекта от подлинной истины, требует своего отдельного анализа в рамках специального исследования и не будет являться предметом рассмотрения в данной статье. Настоящее исследование сосредоточено вокруг проблемы, стоящей за понятием *истины* в рамках ЭИИ, т.е. вокруг вопроса о том, каким образом субъект удостоверяется в том, что не ошибается.

Источник убеждений

Ряд исследователей [Ecker et al., 2022; Vellani et al., 2023; Hassan, Barber, 2021], обращаясь к весомому числу своих предшественников в этой области, касались вопроса о влиянии повторения на формирование убеждения в истинности повторяемого. Их эксперименты обнаруживают некоторые важные

тенденции. Одна из основных заключается в том, что повторение, независимо от того, истинная или ложная информация сообщается реципиенту, по уровню влияния на степень убежденности как минимум не уступает однократному логическому обоснованию или непосредственному свидетельству. Как указывают У. Эккер с соавторами: «Ложные убеждения обычно возникают благодаря тем же механизмам, что и верные убеждения» [Ecker et al., 2022, p. 14], а «иллюзорная истина может сохраняться спустя месяцы после первого воздействия, независимо от когнитивных способностей и несмотря на противоречивые советы из достоверного источника или точные предшествующие знания» [Ibid.].

В этом случае эффект иллюзорной истины формируется под влиянием повторения и, как следствие, усиления легкости, с которой повторяемая информация оказывается включенной в общую картину знания. Если некоторая информация имеет тенденцию повторяться (или мы сами обнаруживаем в себе тенденцию обращать на некоторое повторение свое внимание), мы склоняемся к тому, чтобы скорее считать ее истинной. А. Хассан и С. Барбер отмечают: «Беглость обработки относится к метакогнитивному переживанию легкости или сложности, которое сопровождает мыслительный процесс. Согласно оценке беглости обработки, когда информация повторяется, она обрабатывается более бегло и, следовательно, воспринимается как более правдивая» [Hassan, Barber, 2021, p. 2]. Те же авторы обращают внимание и на тенденцию угасания влияния повторения на степень доверия и описывают ее через логарифмическую зависимость роста уровня доверия от количества повторений. Несколько первых повторений демонстрируют при прочих равных резкий рост доверия, однако с увеличением количества повторений той же самой информации динамика роста убежденности замедляется и выходит на плато:

...воспринимаемая истинность увеличивалась по мере увеличения количества повторений, и в соответствии с нашими прогнозами это увеличение было логарифмическим по своей природе. В обоих экспериментах наибольший прирост воспринимаемой истинности произошел, когда мы столкнулись с утверждением во второй раз. Однако, помимо этого, было прогрессивно меньшее увеличение воспринимаемой истины для каждого дополнительного повторения... [Ibid., p. 8].

Уверенность, таким образом, может пониматься как характеристика, присущая знанию, которое мы без труда можем воспроизвести. При этом процесс мышления требует тем меньше усилий, чем меньше требуется осознанности для этого процесса. Уверенность, в частности и в той информации, которая не является истинной, значимым образом коррелирует с легкостью:

Эффект иллюзорной правды возникает из-за того, что люди используют периферийные сигналы, такие как знакомство (сигнал о том, что сообщение встречалось ранее), беглость обработки (сигнал о том, что сообщение либо закодировано, либо извлечено без усилий) и связность (сигнал о том, что элементы сообщения имеют ссылки в памяти, которые внутренне непротиворечивы) как сигналы истины, и сила этих сигналов возрастает с повторением. Таким образом, повторение увеличивает веру как в дезинформацию, так и в факты [Ecker et al., 2022, p. 14].

Легкость приобретается с повторением и выражается в формировании привычки. В случае повторения информации такая привычка будет умственной (или когнитивной). Привычку принято понимать довольно поверхностно [Carlisle, 2014, p. 1; Dunham, Romdenh-Romluc, eds., 2022, p. 2–3], ограничивая ее либо рамками аддикции, либо просто телесностью. Тем не менее привычка проявляет себя в и области мышления и проявляет двояко. Во-первых, как механическая привычка, сводящаяся к запоминанию получаемой информации без изменений в ее структуре, форме и содержании. Результатом такого вида привыкания становится в чистом виде сохраненный и достаточно изолированный от других паттерн. Выученное стихотворение, которое использует в качестве примера А. Бергсон, описывая его как механизм, «который целиком приводится в действие начальным импульсом, в замкнутой системе автоматических движений, которые следуют друг за другом в одном и том же порядке и занимают одинаковое время» [Бергсон, 1999, с. 484], отлично иллюстрируют такое понимание привычки. Хотя даже в такую структуру может быть (случайно или намеренно) внесено изменение, которое будет вписываться, например, ритмически, но не будет иметь смысла в плане содержания. Или, напротив, будет менять смысл содержания. Пример, которого Бергсон не приводит, но который служит даже лучшей демонстрацией – это абстрактные стихи, складываемые из чисел в соответствии с некоторым ритмическим рисунком.

Механическое повторение ведет к формированию механической же привычки. Примечательно, что в содержании привычки в таком ее виде, даже с учетом ее когнитивной природы, не формируется уверенности. Убежденность относится к паттерну, к последовательности и форме, но не к ее смыслу. В этом отношении за механической привычкой нет никакой истины. Механическое воспроизведение (возможное благодаря механическому привыканию) если и имеет отношение к истине, то совершенно случайное (во всяком случае с позиции субъекта привычки).

Иная ситуация с уверенностью, которая может быть «перенесена» на схожие паттерны и аналогичные ситуации. Такой паттерн может налагаться на ситуации как трафарет – следуя принципу ассоциации. С точки зрения ЭИИ это куда значительнее. Однако такая возможность открывается, опять же, благодаря привычке, однако понимаемой уже не как косная структура, которая, будучи инертной, как золото, не вступает в реакции с другими представлениями и паттернами. Уже приведенный пример со стихом, который может быть изменен в некоторых своих частях, указывает на то, что привычка способна проявлять себя как динамическая структура. К такому пониманию привычки прибегают реже, но именно оно представляется наиболее важным в данном контексте, в связи с чем имеет смысл обратиться к концепции Д. Юма, тесно связывавшего в своей эпистемологии понятия *привычки* и *убеждения*.

Обращение к философии Юма может помочь расширить проблематику ЭИИ, поскольку установка на конкретный тип ассоциации также понимается Юмом как привычка. Он показывает, как привычка обосновывает онтологические и через них – эпистемологические выводы, к которым человек приходит в результате своей познавательной деятельности. Примечательно при этом, что Юм не дает привычке однозначного определения, однако можно

попытаться наметить ее границы, опираясь на два не менее значимых понятия его философии – *веру* и *причинность*. Отталкиваясь от критики понятия причинности как явления, лежащего за пределами нашего опыта и присущего внешнему миру, Юм указывает, что основанием для заключения о существовании причинности вне нашего ума, т.е. в мире вещей, служит сила привычки. Исходя из концепции причинности, Юм показывает, что привычка возникает там, где на основании повторяющихся впечатлений устанавливается связь между некоторыми феноменами А и В, причем таким образом, что А предшествует В, а В «с необходимостью» следует за А. Однако объективного, т.е. независимого от субъективного опыта, знания о том, что данная закономерность проявится вновь, быть не может, поскольку знание опытно, а причинность как нечто, присущее внешнему и независимому от сознания миру, лежит за пределами опыта: «В объектах нет ничего убеждающего нас в том, что они всегда отдалены друг от друга или всегда смежны; открывая же с помощью опыта и наблюдения, что такое их отношение неизменно, мы всегда заключаем, что существует какая-нибудь скрытая причина, разделяющая или соединяющая их» [Юм, 1996а, с. 62].

Разрыв между опытным и внеопытным знанием Юм преодолевает при помощи понятия “*belief*” – веры, или убежденности в том, что причина А с необходимостью порождает следствие В. Привычка обосновывает наши ожидания и помогает строить предсказания, и в этом отношении далеко выходит за рамки только телесных своих проявлений.

Привычка тем самым может выражаться и в том, что устойчивая ассоциация уже не конкретных, первичных, но абстрактных идей, которая приобрела вид своего рода трафарета или матрицы, будет «налагаться» (по смежности) на другие идеи, даже те, которые происходят от впечатлений. И если паттерн сопровождается достаточной силой верой, он может сообщать свою «истинность» через ощущение убежденности тому, что включает в себя структура, построенная на принципе привыкания, и не сообщать тому, что не включает (примером последнего у Юма выступают чудеса). Как указывает исследователь наследия Юма Д. О’Брайен, «согласно редукционистскому подходу к свидетельствам Юма, у нас есть опыт связи между утверждениями и положениями дел в мире, к которому эти утверждения относятся. Тогда можно увидеть, что чувственные впечатления от письменных или устных свидетельств придают живость идеям, которые мы приобретаем посредством причинно-следственных рассуждений» [O’Brien, 2021, p. 2659]. Ссылаясь на М. Уэлборна, О’Брайен также отмечает «важность сходства между содержанием свидетельств и идеями, которые они вызывают в уме слушателя. Это сходство между впечатлением от чьего-либо свидетельства... и усваиваемой впоследствии идеей, оживляет последнюю по принципу ассоциации по отношению сходства, облегчая тем самым приобретение свидетельского убеждения» [Ibid.].

Убеждение как ощущение

Для того чтобы понять, как привычка способна сообщать убедительность тому, что ею охватывается, необходимо прояснить прежде всего, каким образом концептуализируется у Юма понятие «вера», или «убеждение».

Как пишет Юм, все содержание нашего ума (восприятия в его терминах) можно разделить на две категории: впечатления и идеи. Впечатления от ощущений (*the impressions of sensation*) – это то, что может быть зафиксировано посредством органов чувств. Идеи в то же время – это копии впечатлений. Однако при описании различия между идеями и впечатлениями Юм, как ни странно, опирается не на то, что разделяло бы их на фундаментальном уровне, а на то, что у них есть общего. Этим общим для идей и впечатлений выступает степень живости, присущая им, однако, не в равной степени. Наибольшая живость и сила определяет впечатления, тогда как идеям присуща меньшая степень отчетливости. Идеи – это более слабые копии впечатлений, порожденные воображением или памятью, причем последние будут обладать хоть и меньшей степенью живости, чем наличные впечатления, но все же большей, чем идеи воображения. Впечатления для Юма также неоднородны, их он подразделяет на впечатления, порождаемые воздействием на органы чувств, а также на впечатления, происходящие как бы от нас самих, получая в итоге «все наши ощущения (*sensations*), страсти (*passions*) и эмоции (*emotions*)» [Юм, 1996а, с. 62].

Живость и сила и представляют собой то, что Юм обозначал как “*belief*” – веру, или, что в данном случае то же самое, убеждение. Юм заключает, что вера – это своеобразное ощущение или чувство, которое в той или иной степени сопровождает наши восприятия. Другими словами, вера – результат нашей реакции на впечатления и идеи. Необходимо отметить, что хотя вера схожа с эмоциями и аффектами в том смысле, что она субъективна и возникает из нашего внутреннего опыта, однако в философии Юма она обычно не классифицируется как эмоция или аффект. Живость и сила, таким образом, являются той степенью, в которой ощущение убежденности связывается с восприятием, это ощущение и есть критерий или свойство различия впечатлений и идей. Об этом в контексте проблематики памяти в философии Юма некоторым образом пишет К.П. Шевцов: «Живость и сила впечатлений удерживаются в памяти не сами по себе, но вместе с удержанием порядка и расположения идей, их последовательности, а следовательно, и их формы» [Шевцов, 2014, с. 220].

Исходя из такого, не противоречащего концепции Юма объяснения понятия веры как степени живости восприятия, возможно предположить, что если к восприятию в большей степени присоединено ощущение живости, то мы имеем дело с впечатлением. Если присоединено в меньшей степени, тогда перед нами идея. Необходимо отметить, что степени в таком случае есть только у самих внутренних ощущений: живость – это степень живости.

И все же недостаточно понять, какова связь веры и живости восприятия. Для наиболее полной картины эпистемологических воззрений Юма необходимо также определить, как все это вместе связано с понятием истины. Несмотря на то, что Юм проявил себя как один из немногих философов, которые

последовательно провели свою линию рассуждений до ее логического завершения, и в случае Юма этим завершением стал радикальный скептицизм, понятие истины, даже если оно негативно и требуется только для того, чтобы от него уйти, все же необходимо каким-то образом осмыслить. В частности, присуща ли определенная сила веры впечатлениям или идеям по умолчанию? Отчасти ранее уже были даны основания для вывода о самостоятельном существовании ощущения веры. Убеждение – это собственное впечатление нашего внутреннего опыта, которое прилагается к внешним впечатлениям и внутренним идеям. В таком случае убеждения (в том числе убеждения в существовании причинности во внеположенном разуму мире) порождаются через соединение идей. Поскольку ощущения при некоторых обстоятельствах происходят не вследствие, а вместе с внешним впечатлением, они могут быть восприняты как часть этого впечатления, хотя и не являются таковой.

Опираясь на идеи Юма, можно заключить, что силой и живостью обладает не воздействующий на нас образ, а только наши внутренние ощущения. Ощущение, как и эмоция, может быть более или менее интенсивным, но внешний объект более или менее интенсивным быть не может. Хотя эту сторону вопроса Юм не мог развить в силу того, что он отказался говорить о физиологии и так отрезал себе путь к определенным выводам, которые можно сделать на этом основании. Поэтому, хотя справедливо будет сказать, что эта идея имплицитно заложена уже в концепции Юма, развернутой она оказалась уже в философии И. Канта.

Вера как ощущение в большей степени присоединяется к впечатлениям и в меньшей степени – к идеям. Это проясняет, откуда берутся степени уверенности. У воспринимаемого внешнего мира нет степеней, с которыми он «является». Точно так же степеней нет у идей. Простые идеи, основанные на впечатлениях (оттенки цвета, например), либо возникают, либо не возникают (Юм и вовсе говорит об отдельных цветных точках). В этом отношении изменение «степеней» оттенка – это просто другой оттенок. С этой точки зрения степени есть только у ощущений. И живость, следовательно, есть также ощущение.

Ощущения прилагаются к восприятиям обоих родов. В этом отношении мы реактивны, и до некоторой степени наша реактивность – это ответ на скептическую установку в отношении к миру. Наши ощущения – это наши реакции, они вторичны как по отношению к объектам, так и по отношению к идеям. Но пассивная сторона восприятий не единственная: мы также можем проявлять своего рода активность, которая выражается в ассоциации идей. Согласно Юму, мы склонны связывать идеи, которые часто переживаются вместе, и эта ассоциация становится настолько сильной, что мы начинаем верить в необходимую связь между идеями или их впечатлениями. Главная особенность такого убеждения в том, что оно основано не на разуме, а на прошлом опыте, сформировавшем наши когнитивные привычки. Благодаря нашему опыту мы привыкаем к тому, что определенные события связаны друг с другом, даже если нет никакой гарантии, что они будут связаны в будущем. Поэтому, хотя мы не можем доказать, что нечто произойдет, наш прошлый опыт заставляет нас ожидать этого.

Тут возникает проблема: вера как ощущение, наиболее свойственное впечатлению и наименее – воображению (память находится в промежутке между этими двумя экстремумами), не может прилагаться к абстрактным идеям воображения в той же степени, в которой она прилагается к непосредственным впечатлениям. Тем не менее, как отмечает и сам Юм, мы склонны «обнаруживать» причинность не только в последовательности наших идей, но и в событиях внеположенной уму реальности, хотя убеждение в идее причинности исходит не из непосредственного переживания ее в опыте, а из наблюдения за последовательной закономерностью, в которой «причинные» события происходят рядом и до «следственных» событий. Этот паттерн создает «постоянную связь» в нашем сознании, заставляя ожидать, что следствие последует за причиной. Если, как пишет Юм, причинность есть только идея, к тому же приобретаемая через опривыченное соединение других идей, т.е. посредством воображения, она должна обладать наименьшей степенью достоверности. Тем не менее Юм отмечает, что, подобно прямому впечатлению, идея причинности обладает такой живостью и силой, что предстает перед нами с убедительностью непосредственного впечатления. Как указывает В.В. Васильев: «При наличии такой живой идеи мы не просто представляем В при появлении А, а верим в реальность его будущего появления» [Васильев, 2020, с. 50]. Убежденность в идее причинности, т.е. ощущение веры, сопровождающее эту идею, когда она прилагается к впечатлениям или идеям, велика настолько, что причинность кажется нам существующей в мире вещей, и потому порождает иллюзию, будто она каким-то образом сама составляет впечатление, а не только идею.

Путь решения этого затруднения предлагает сам Юм, утверждая, что идеи, поскольку сопровождаются хотя бы минимальным доверием, т.е. какой-никакой силой и живостью, могут быть убедительными. Более того, вера возможна, пожалуй, в любые идеи, если только они не парадоксальны. Парадоксы неубедительны. Но если идея не составляет парадокса, она тем больше будет предметом убеждения, чем больше она будет связана с впечатлением (и здесь, к слову, имеется в виду прямая связь: впечатления от Трактата, как пишет Юм, – это впечатления зрения и удовольствия или неудовольствия, т.е. впечатление буквально должно быть ассоциировано (идея по времени должна быть ассоциирована с впечатлением)) и чем чаще само это впечатление будет воспроизводиться как впечатление, а не как идея, чтобы сообщить ей свою степень достоверности: «Таково уж влияние привычки: там, где она сильнее всего, она не только прикрывает наше природное невежество, но и скрывается сама и как бы отсутствует потому только, что проявляется в самой сильной степени» [Юм, 1996б, с. 24].

Но возможно предположить и другой способ: идея тем сильнее будет предметом убеждения, чем сильнее она будет связана с другими идеями. В конечном счете это вновь приведет нас к связи идей и впечатлений, поскольку связь со многими идеями приводит мысль к тому, что достоверность, сообщаемая этим идеям их впечатлениями, будет отчасти сообщаться той метаидее воображения, которой является в том числе идея причинности. Принцип ассоциации выражается в таком случае следующим образом: чем с большим

количеством идей, обладающих некоторой степенью достоверности, будет связана та или иная конкретная идея, тем более достоверной она будет казаться. Ассоциативно связываются не только содержания идей, но и прилагающаяся к ним степень живости. Юм указывает на это, например, когда пишет о первичности эмпирического знания:

Мне незачем указывать на то, что неправильно возражать против предлагаемой доктрины, говоря, что мы можем рассуждать, основываясь на своих прошлых заключениях или принципах и не прибегая к тем впечатлениям, которые первоначально послужили их источником. Ибо, даже если предположить, что эти впечатления совершенно изгладились из нашей памяти, убеждение, порожденное ими, могло все же остаться [Юм, 1996а, с. 140],

а также далее в том же разделе, объясняя, каким образом идеи воображения могут трансформироваться в идеи памяти:

Лицо, забывшее событие, сперва получает из рассказа другого лица идеи со всеми подробностями времени и места, хотя и считает их простой фикцией воображения; но тотчас после упоминания подробности, пробуждающей его память, те же самые идеи появляются в новом свете и как бы чувствуются им иначе, чем раньше. Без всякой другой перемены, кроме указанного изменения чувства, они непосредственно становятся идеями памяти... [Там же, с. 141–142].

Примечательно, что идея причинности настолько отчетливо экстраполируется на внешний мир, что вопрос о чуде как о нарушении причинности в этом мире решается Юмом в пользу невозможности чудес. Идея чуда ставит под вопрос причинность как таковую, но не конкретную причину. В то же время нереализация конкретной причинности либо позволяет нам сказать, что именно такой причинности не существует, и отказаться от локальной идеи связи конкретных вещей, либо, если мы не можем отказаться от этой связи, мы ссылаемся на некоторые незаметные причины, которые нарушили привычный ход вещей и не позволили установиться причинной связи в этот раз. Тем или иным образом мы стремимся сохранить причинность не только как одну из идей, но и как идею, которой соответствует нечто реальное, настолько, что, как отмечает О'Брайен: «В случае свидетельства о чуде маловероятность чуда превосходит любую уверенность, которую мы можем иметь в отношении источника свидетельства о чуде, и поэтому доверие к свидетельству о чуде никогда не оправдано» [O'Brien, 2021, p. 2648].

Заключение

Таким образом, как отмечает Юм, убеждения формируются посредством повторения определенных впечатлений или идей, которые сообщают свою живость идеям более высокой абстракции. Эти абстрактные идеи, сами в дальнейшем становясь привычками, начинают обуславливать уже новые получаемые впечатления и производные идеи более низкого порядка. Для концепции ЭИИ это означает, что убежденность в конкретной не-истине провоцирует нас в дальнейшем сопротивляться или отказываться от принятия истины, когда

она сообщается нам посредством чувств напрямую или через свидетельства другого рода. Если логическому выводу истинность присуща по самому характеру рассуждения в том случае, когда оно построено по правилам и исходит из верных посылок, то в повторении истинность сообщается идеям через ассоциацию их с другими идеями и впечатлениями.

Процесс соединения отдельных идей в уме – естественная и мощная способность. Хотя рациональные связи, например, в рамках математического знания возможны, Юм имел основания утверждать, что рациональная сторона когнитивных процессов менее эффективна в продуцировании убеждений по сравнению с привыканием, основанным на повторении. Это повторение может создать сильные убеждения, не зависящие от разума, даже если истина может быть установлена рационально. Убеждение зависит от обоснования не столько на уровне логики или рационального обоснования (логика, обладающая предсказательной способностью, является только одним из привычных инструментов мышления, наряду с эвристиками и другими внерациональными способами вывода). На сознательном уровне рациональное обоснование может быть учтено и принято во внимание субъектом, но для убедительности, выраженной в минимальности когнитивного усилия, наиболее значимым для веры доводом останется тот, который будет повторяться. Для того чтобы обоснование обладало убедительностью, оно должно быть достаточно сильным, чтобы выстроить новые цепочки когнитивных автоматизмов.

Список литературы

- Бергсон, 1999 – *Бергсон А.* Творческая эволюция. Материя и память / Пер. с фр. М. Булгакова, А. Баулер и др. Минск: Харвест, 1999. 1408 с.
- Васильев, 2020 – *Васильев В.В.* Дэвид Юм и загадки его философии. М.: Ленанд, 2020. 704 с.
- Шевцов, 2012 – *Шевцов К.П.* Память и привычка в философии Дэвида Юма // Грамота. 2012. № 11 (25): в 2 ч. Ч. I. С. 219–223.
- Юм, 1996а – *Юм Д.* Исследование о человеческом познании / Пер. с англ. С.И. Церетели // *Юм Д.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 3–144.
- Юм, 1996б – *Юм Д.* Трактат о человеческой природе / Пер. с англ. С.И. Церетели и др. // *Юм Д.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 52–655.
- Carlisle, 2014 – *Carlisle C.* On Habit (Thinking in Action). London, N.Y.: Routledge, 2014. 168 p.
- Dunham, Romdenh-Romluc, eds., 2022 – *Habit and the History of Philosophy* / Ed. by J. Dunham, K. Romdenh-Romluc. London, N.Y.: Routledge, 2022. 266 p.
- Ecker et al., 2022 – *Ecker U.K.H., Lewandowsky S., Cook J. et al.* The psychological drivers of misinformation belief and its resistance to correction // *Nat. Rev. Psychol.* 2022. No. 1. P. 13–29. URL: <https://www.nature.com/articles/s44159-021-00006-y> (дата обращения: 27.05.2023).
- Hassan, Barber, 2021 – *Hassan A., Barber S.J.* The effects of repetition frequency on the illusory truth effect // *Cognitive Research: Principles and Implications.* 2021. Vol. 6. Article number: 38. DOI: 10.1186/s41235-021-00301-5. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8116821> (дата обращения: 27.05.2023).
- O'Brien, 2021 – *O'Brien D.* Humeanism and the epistemology of testimony // *Synthese.* 2021. Vol. 199. P. 2647–2669.

Vellani et al., 2023 – Vellani V., Zheng S., Ercelik D., Sharot T. The Illusory Truth Effect Leads to the Spread of Misinformation // *Cognition*. 2023. Vol. 236. DOI: 10.1016/j.cognition.2023.105421. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0010027723000550> (дата обращения: 29.05.2023).

I believe because it has been repeated: D. Hume's belief and the illusory truth effect

Natalia F. Derzhavina

State Academic University for the Humanities. 26 Maronovskiy lane, Moscow, 119049, Russian Federation; e-mail: nderzhavina@gaugn.ru

The illusory truth effect is becoming a particularly relevant field for cognitive research today. Meanwhile, the conclusions that researchers draw from numerous experiments refer mainly to single discrete “truths” that can be viewed independently of one another. The present study takes into account the emergent nature of subjective knowledge, since it is such knowledge that can be evaluated in the categories of certainty and doubt. It seems that this will allow to expand and complement ideas about the principles of belief formation in separate constituent parts of “knowledge”. David Hume’s analysis of “A Treatise of Human Nature” and “An Enquiry into Human Understanding” presents the necessary theoretical tools for this. The analysis of Hume’s conception of “belief” through the dynamic (differing in degree) characteristics of “strength” and “vividness” leads to the conclusion that belief can be seen as an inner sensation, that is, as a subjective characteristic of knowledge. Among other things, it is pointed out that conviction through mechanisms of association will be communicated to abstract ideas as well. The greater the number of reinforcing beliefs, the stronger the belief in the abstract idea, which is reinforced by primary ideas derived from impressions. But in the end, the abstract idea itself begins to translate the “credibility” (that is, to generate belief) to the information to which it is applied. For the concept of the illusory truth effect, this may mean that in some cases our conviction of a particular non-truth will encourage us to further resist or refuse to accept the truth, even when we encounter it directly through the senses or through logical inference.

Keywords: illusory truth effect, belief, D. Hume, repetition, habit

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of implementing the state assignment of the State Academic University for the Humanities “Digitalization and the formation of the modern information society: cognitive, economic, political and legal aspects” (FZNF-2023-0004). 1022040800826-5-5.2.1;6.3.1;5.9.1.

References

- Bergson, H. *Tvorcheskaja jevoljucija. Materija i pamjat'* [Creative Evolution. Matter and Memory], trans. by M. Bulgakov, A. Bauler et al. Minsk: Harvest Publ., 1999. 1408 pp. (In Russian)
- Carlisle, C. *On Habit (Thinking in Action)*. London, New York: Routledge, 2014. 168 pp.
- Ecker, U.K.H., Lewandowsky, S., Cook, J. et al. “The psychological drivers of misinformation belief and its resistance to correction”, *Nat. Rev. Psychol.*, 2022, no. 1, pp. 13–29 [<https://www.nature.com/articles/s44159-021-00006-y>, accessed on 25.05.2023].

Habit and the History of Philosophy, ed. by J. Dunham, K. Romdenh-Romluc. London, New York: Routledge, 2022. 266 pp.

Hassan, A., Barber, S.J. “The effects of repetition frequency on the illusory truth effect”, *Cognitive Research: Principles and Implications*, 2021, vol. 6, article number: 38. DOI: 10.1186/s41235-021-00301-5 [<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8116821>, accessed on 29.05.2023].

Hume, D. “Issledovanie o chelovecheskom poznanii” [An Enquiry Concerning Human Understanding], trans. by S. Cereteli, in: D. Hume, *Sochinenija v 2 t.* [Essays in 2 vols.], Vol. 2. Moscow: Mysl’ Publ., 1996, pp. 3–144. (In Russian)

Hume, D. “Traktat o chelovecheskoj prirode” [A Treatise of Human Nature], trans. by S.I. Cereteli, in: D. Hume, *Sochinenija v 2 t.* [Essays in 2 vols.], Vol. 1. Moscow: Mysl’ Publ., 1996, pp. 52–655. (In Russian)

O’Brien, D. “Humeanism and the epistemology of testimony”, *Synthese*, 2021, vol. 199, pp. 2647–2669.

Shevcov, K. “Pamjat’ i privychka v filosofii Djevida Juma” [Memory and Habit in the Philosophy of David Hume], *Gramota*, 2012, no. 11 (25): in 2 parts, part I, pp. 219–223. (In Russian)

Vasil’ev, V. *Djevid Jum i zagadki ego filosofii* [David Hume and the Mysteries of His Philosophy]. Moscow: Lenand Publ., 2020. 704 pp. (In Russian)

Vellani, V., Zheng, S., Ercelik, D., Sharot, T. “The Illusory Truth Effect Leads to the Spread of Misinformation”, *Cognition*, 2023, vol. 236. DOI: 10.1016/j.cognition.2023.105421 [<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0010027723000550>, accessed on 29.05.2023].